

Кху-кху-кху...

Цзян Го лениво прислонился к дивану. Стук в дверь звучал особенно отчетливо в пустой, безмолвной квартире.

Цзян Го не спешил открывать. Он долго смотрел в окно на огни ночного города, не в силах отвести взгляд.

Его мрачное жилище было лишено признаков жизни, оно было пропитано тленом, и эта мертвенность передавалась ему самому. С тех пор как закончились занятия, Цзян Го полностью отгородился от внешнего мира, запершись в узких рамках своего пространства. Всё вокруг казалось серым и обыденным, ничто не вызывало в нем ни малейшего интереса.

Взгляд его был пуст и безжизнен, он смотрел в сторону двери, откуда доносился стук. С тех пор как кто-то приходил в последний раз, прошло очень много времени.

— Брат, это я, Тантан!

Как только Цзян Го открыл дверь, он увидел перед собой Цзян Тан. Её лицо было перепачкано, она задрала голову и с блеском в глазах смотрела на него, сияя улыбкой.

Гордая, смышленная и милая.

Цзян Тан была его сестрой по отцу, зеницей ока Цзян Янмина.

Цзян Го не ответил на её приветствие. С бесстрастным лицом и ледяным тоном он произнес:

— Где твоя мать?

Он питал к Цзян Тан легкую неприязнь, подсознательно полагая, что именно она отняла у него отцовскую любовь Цзян Янмина.

Цзян Тан не умела лгать. Она мгновенно сникла, опустила голову и, заикаясь, начала сбивчиво говорить:

— Она... она там...

— Твоя мать не знает, что ты сбежала? — Цзян Го попал в самую точку, не дав девочке шанса оправдаться.

Возможно, почувствовав обиду, Цзян Тан надула щеки и подняла голову:

— Брат, почему ты не приходишь навестить Тантан? Тантан очень скучает по тебе.

Цзян Го помолчал, а затем холодно бросил:

— Я отвезу тебя обратно.

Цзян Тан быстро запротестовала, яростно качая головой:

— Нет, я не хочу возвращаться!

— Цзян Тан! Не заставляй меня повторять дважды.

Едва слова слетели с его губ, как Цзян Тан расплакалась от обиды. Она немного боялась брата, но в то же время была очень привязана к нему.

Не прошло и минуты, как появились Цзян Янмин и Янь Юнь. Цзян Тан сбежала к Цзян Го тайком, пока никто не видел. Увидев, что девочка в целости и сохранности, Янь Юнь, чье сердце всё это время было не на месте, поспешно бросилась к ней и с силой оттолкнула Цзян Го.

Убедившись, что Цзян Тан не пострадала, Янь Юнь перевела взгляд на Цзян Го. Её лицо исказилось от ярости, а в голосе сквозила скрытая угроза:

— Цзян Го, если у тебя есть претензии, вымещай их на мне. Я знаю, что ты терпеть не можешь нас обеих, но Тантан — твоя сестра. У тебя есть сердце? Она ведь еще такая маленькая, как у тебя рука поднялась?

Услышав слово сестра, Цзян Го невольно усмехнулся:

— Сестра? Да разве она достойна этого?

Как только он договорил, его щеку обожгло. Нервы пронзила острая боль, половина лица мгновенно онемела, он потерял равновесие и пошатнулся назад.

Затем раздался голос Цзян Янмина:

— Цзян Го, не будь таким дерзким. Если бы с Тантан сегодня что-то случилось, ты бы ответил за это по всей строгости. Не забывай, всё, что у тебя есть сейчас — это моя заслуга. Тебе лучше осознать свое нынешнее место. Без меня ты никто.

Цзян Го выслушал слова Цзян Янмина, словно услышал нелепую шутку, и вдруг расхохотался:

— Правда? В таком случае, мне не нужны твои подачки.

Янь Юнь, стоя в стороне, внимательно следила за обстановкой. Она прижала к себе Цзян Тан, а её взгляд то и дело падал на отца и сына. У неё были свои корыстные цели. Она опасалась, что Цзян Го унаследует состояние Цзян Янмина и выставит их с Тантан за дверь. Она изо всех сил пыталась удержаться рядом с Цзян Янмином, чтобы однажды прочно встать на ноги и по праву закрепить всё имущество семьи Цзян за Цзян Тан.

Она знала слабость Цзян Янмина: он поздно стал отцом и души не чаял в Цзян Тан. Однако она уже давно раскусила мужчину: внешне он игнорировал Цзян Го, но втайне начал переводить активы на его имя. Она прикладывала массу усилий, чтобы разрушить и без того слабые отношения между отцом и сыном.

Очевидно, цель была достигнута, но требовалось подлить масла в огонь.

— Янмин, не ссорьтесь, пожалуйста. Это всё моя вина, я плохо присмотрела за Тантан! — она повернулась к мужчине. — Я не виню Сяо Го, возможно, он не хотел этого делать. — Просто... если с Тантан действительно что-то случится, я не захочу жить дальше.

Цзян Го знал, что Янь Юнь сеяла раздор между ним и Цзян Янмином, но всякий раз, когда это происходило, он хранил молчание и редко пытался возразить. В конце концов, их отношения с Цзян Янмином и без того были напряженными, а появление Янь Юнь лишь послужило фитилем, взорвавшим пороховую бочку.

Ли Чу неотступно следовал за своей приемной матерью, точно так же, как и в первые дни после того, как его приютили: постоянно тревожась и боясь, что они снова его бросят. Поэтому с утра до вечера он не отходил от них ни на шаг. Ли Чу смотрел на исхудавшую фигуру приемной матери и чувствовал, как внутри все сжимается от боли. Она уже давно стала не той, какой он ее помнил; нескольких лет хватило, чтобы в них произошли столь разительные перемены.

Украдкой от него, по ночам, приемная мать страдала от приступов тошноты, головокружений и головных болей, переживая каждую мучительную ночь. За это время она сильно осунулась и побледнела. Но страшнее всего было то, что зрение ее постепенно затуманивалось. Ли Чу боялся, что небеса однажды отнимут у нее глаза. Единственное, что он мог сделать — это изо всех сил стараться исполнить любое ее желание.

Сегодня он сопровождал приемную мать на кладбище, чтобы навестить ее родителей. Она купила много подношений — все то, что ее родители любили при жизни. Сейчас для Ли Чу было важно просто быть рядом и поддерживать ее. После того как они закончили, Ли Чу взял ее под руку, оберегая от случайных толчков, но не успели они пройти и нескольких шагов, как мелкий морозящий дождь превратился в настоящий ливень.

Ли Чу прикрыл приемную мать, стараясь, чтобы одежда ее не промокла, и они осторожно зашагали по кладбищу. Лишь когда приемная мать легонько похлопала его по руке, Ли Чу

поднял голову и нахмурился, глядя на нее: он испугался, что ей стало плохо, и уже приготовился внимательно осмотреть ее. Однако приемная мать снова похлопала его по руке, начала что-то активно жестикулировать и указала куда-то вдаль.

Заметив человека, стоявшего под дождем, Ли Чу мгновенно понял, что она имела в виду, и жестаи ответил ей:

— Вы хотите, чтобы я отдал ему зонт?

Устроив приемную мать поудобнее и попросив ее оставаться на месте, Ли Чу раскрыл другой зонт и направился к фигуре, неподвижно стоявшей вдалеке перед надгробием спиной к нему. Подойдя ближе и разглядев в профиль лицо Цзян Го, Ли Чу невольно испытал потрясение.

Впрочем, за свою жизнь он повидал столько потрясающих вещей, что это быстро показалось ему привычным. Он постепенно приблизился к Цзян Го и раскрыл над ним зонт — точно так же, как когда-то впервые сделал сам Цзян Го.

Дождь задерживался полотном зонта, непрерывно барабанил по нему шуршащими каплями, но Цзян Го никак на это не реагировал, лишь молча глядя на надгробную плиту.

Ли Чу встал рядом, укрывая его от потоков дождя, и не стал лезть с лишними расспросами.

Между ними словно возникло молчаливое согласие, они оба хранили молчание.

Ли Чу был на полголовы ниже Цзян Го. Стоя с ним плечом к плечу и держа в правой руке зонт, он проследил за взглядом Цзян Го, уперся в надгробие и в тот же миг всё понял.

Перед ними находилась могила матери Цзян Го.

Цзян Го был чем-то похож на нее, особенно переносицей — вылитая копия.

Неудивительно, что Цзян Го так выделялся в толпе своей неординарной красотой: оказывается, он унаследовал от матери все самые лучшие черты. Ли Чу стоял под дождём, несколько минут держа зонт над Цзян Го. Когда дождь стал понемногу затихать, Ли Чу взглянул на лицо Цзян Го и замялся, словно хотел что-то сказать, но передумал.

Он думал о том, как передать зонт Цзян Го.

Ли Чу не умел разряжать обстановку, а ледяное выражение лица Цзян Го заставляло его колебаться.

Честно говоря, он немного побаивался Цзян Го: тот казался совсем не похожим на остальных людей, которых он встречал.

В чём именно была разница, Ли Чу и сам толком не мог объяснить.

Ли Чу искал какой-нибудь повод, но сколько ни перебирал варианты, так и не нашёл подходящей причины. В конце концов он просто молча взял руку Цзян Го.

Он перенёс её на рукоять зонта. Его ладонь коснулась тыльной стороны руки Цзян Го, и он, терпеливо, будто обучая маленького ребёнка, помог ему обхватить ручку.

Дождавшись, пока пальцы Цзян Го крепко сожмут зонт, Ли Чу тут же отнял свои руки. Словно воришка, которого мучает совесть, он ускорил шаг и направился к приёмной матери.

<http://bllate.org/book/22343/2340956>